Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 129–134 DOI: 10.17223/15617793/388/21

УДК 94(470) «1941/-1945» (075.8)

В.А. Исупов

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЕННО-МОБИЛИЗАЦИОННОГО И ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1939–1948 гг.)

Публикуется в рамках проекта РГНФ № 14-01-00068 «Феномен сибирского тыла в исторической динамике XX столетия».

Анализируются статистические документы, характеризующие численность и состав населения России в военные и первые послевоенные годы. Показано, что этот вид источников способствует получению новых знаний о недостаточно исследованных проблемах социально-демографической истории. Характеризуются полнота и достоверность сведений о численности и составе населения, полученных в ходе расчетов, организованных на базе переписи 1939 г. сотрудниками ЦСУ Госплана СССР в начале 1940-х гг. Выявлены информативные возможности сведений о мобилизационном потенциале, полученных в ходе единовременных отчетов сельсоветов о численности и составе сельского населения, материалов карточной системы распределения продуктов, периодических учетов неработающего населения городов, списков избирателей и контрольного учета детей и молодежи до 18 лет.

Ключевые слова: историческая демография; население; численность; состав; людские ресурсы.

Вторую мировую войну сегодня особенно часто именуют войной моторов. Это вполне обоснованное высказывание. Но практика войны показала, что самая мощная техника без человека представляет собой груду мертвого металла. Население, его численность, состав, профессиональная и образовательная подготовленность людского контингента, словом, все то, что можно включить в понятие «человеческий потенциал», являли собой решающую силу в борьбе. Выявление этого потенциала превратилось в одну из важнейших проблем, стоявших перед государственными институтами СССР в годы Второй мировой войны.

Деятельность по определению наличного военно-мобилизационого и трудового потенциала велась в нашей стране в течение всей войны. Она была возложена на Госплан СССР, ЦСУ СССР и их органы на местах – республиканские, областные (краевые) плановые и статистические управления. Полученные данные передавались для практического использования специальным государственным структурам: Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии при Наркомате обороны СССР (Главупраформ) и Комитету по распределению рабочей силы (с 1942 г. – Комитет по учету и распределению рабочей силы) при СНК СССР. Госплан и ЦСУ СССР совместно с Комитетом по учету и распределению рабочей силы в течение всей войны составляли балансы рабочей силы, задействованной в экономике, пытаясь определить таким образом наличные трудоспособные ресурсы, которые с каждым годом войны катастрофически уменьшались. Главупраформ прилагал титанические усилия по выявлению мобилизационного ресурса различных регионов.

Цель настоящей статьи – установить, на какие источники информации опирались государственные институты в этой сложной работе, и дать сжатую характеристику этих источников. Отметим, что проблема точности и достоверности статистических источников является одной из основных проблем бурно развивающегося ныне направления исторических исследований – исторической демографии.

Хронологические рамки статьи необычны для такого рода исследований. Они охватывают не только весь период Второй мировой войны, но и первые годы после её завершения. Это обусловлено тем, что документы 1946–1948 гг. содержат информацию, которая подводит итоги войны и тем самым проливает свет на события военных лет.

В начальный период войны главным фундаментом, на который опирались статистики, осуществляя расчеты военно-мобилизационного и трудового потенциала страны и её отдельных регионов, служили материалы переписей населения. Они содержат не только сведения о численности населения страны и её отдельных регионов, но почти всю информацию о составе населения как по полу и возрасту, так и по социально-экономическим группам (по образованию, занятости, социальной и профессиональной структурам, национальности). Последняя перед Второй мировой войной перепись населения была проведена в СССР 17 января 1939 г. Эта перепись проводилась в особых условиях. Она была организована по постановлению СНК СССР от 26 сентября 1937 г., после признания материалов Всесоюзной переписи населения 1937 г. дефектными [1. С. 227]. Многие статистики, руководившие переписью 1937 г., были подвергнуты жестоким репрессиям и обвинены в преступлениях, которых они не совершали. Значительные потери понесли и работники провинциальных статистических органов.

Важнейшей целью, поставленной перед организаторами переписи 1939 г., было исправление допущенных ошибок, в том числе и преодоление последствий «преднамеренного вредительства». В результате перепись 1939 г. из обычной статистической операции превратилась в масштабную политическую акцию. Газета «Правда», выражавшая сугубо официальную позицию советских властей, писала, что перепись покажет, «как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей» [2]. Собственно научно-практическая цель переписи – получение по возможности точной информации о населении – явно уступала интересам идеологии. Вокруг самой переписи была создана завеса бессмысленной секретности. Не удивительно, что перепись 1939 г. вызвала

множество споров в современной историко-демографической литературе по вопросу её достоверности [3–7]. Нет необходимости повторять основные положения дискуссии – они хорошо известны. Для задач, решаемых в настоящей статье, не имеют значения приемы искажения данных в ходе переписи. Укажем только, что современные исследователи в принципе сошлись во мнении: перепись 1939 г., несомненно, завысила численность населения как страны в целом, так и её отдельных регионов. Кроме того, перепись явно преувеличила степень урбанизированности Советского Союза [8]. Но для нас особенно важно, что завышение численности населения неизбежно повлекло за собой искажение его структурных характеристик, так как завышается не просто абстрактная численность населения. Последнее, как известно, состоит из мужчин и женщин различного возраста. Соответственно, искажение общей численности населения приводило к искажению его структуры не только в целом по России, но и по её отдельным регионам.

Фальсифицируя вольно или невольно цифровые показатели переписи, статистики не предполагали, что с началом войны это вызовет серьезные трудности при оценке военно-мобилизационного и трудового потенциала страны. Только в годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что вынуждая статистиков искажать в угоду идеологическим фетишам демографические характеристики, советские руководители обманывали сами себя. Однако, несмотря на многочисленные дефекты, материалы переписи 1939 г. были в принципе пригодны для использования в практических целях, но в данные переписи необходимо было вносить обоснованные поправки. Иными словами, материалы переписи нуждались в очищении от искажений. Вместе с тем, для этого недоставало сведений, которые были засекречены – сам факт преднамеренной фальсификации переписи 1939 г. тщательно скрывался. Однако, за неимением других цифр, в начале Великой Отечественной войны перепись 1939 г. служила важным ориентиром для определения людского потенциала и военно-мобилизационных возможностей СССР. Отметим, кстати, что с этой же целью материалами переписи населения 1939 г. небезуспешно пользовалась немецкая разведка [9. С. 18–22]. Из этого следует, что псевдосекретность, созданная вокруг переписи 1939 г., была не только бессмысленной, но попросту вредной затеей, причинявшей ущерб прежде всего самому Советскому Союзу. Материалы переписи не использовались в той мере, в какой их можно было бы использовать, и, таким образом, были созданы искусственные сложности при определении собственных же людских ресурсов.

Важно отметить, что переписи населения имеют очень большое значение не только для экономики и армии, но и для выявления параметров демографического развития. Погрешности переписи обусловили возникновение явно негативной тенденции в развитии советской демографической статистики. В частности, к началу Великой Отечественной войны недостаточно точно была определена численность населения России. Как известно, текущая оценка численности населения производится на основании итогов последней переписи населения, к которым добавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Сегодня, по мере включения в научный оборот новых статистических документов, мы имеем возможность выяснить, как на основании вышеприведенной методики проводились расчеты по определению численности населения России. Статистики ЦСУ при Госплане СССР исходили из следующих данных: перепись населения 1939 г. показала, что численность населения РСФСР (без Карело-Финской АССР, но включая Крымскую АССР) составляла 108,8 млн человек. Естественный прирост в 1939 г. составил 1,9 млн человек. Потери населения России за счет оттока населения в другие союзные республики (отрицательное сальдо миграции) составили 0,2 млн человек [10. Л. 39; 11. Л. 113]. Таким образом, численность населения РСФСР на начало 1940 г. была определена исходя из следующего расчета: 108,8 + 1,9 – – 0,2 = 110,5 млн человек.

Естественный прирост населения РСФСР в течение 1940 г. составлял, по прикидкам статистиков, 1,5 млн человек. За счет миграций Россия потеряла 0,3 млн человек [10. Л. 38–40]. Следовательно, население РСФСР на начало 1941 г. составляло: 110,5 + + 1,5 – 0,3 = 111,7 млн человек.

У нас нет уверенности в точности этих цифр, так как все статистические документы 1930-х гг. заполнены материалами, свидетельствующими о неточности текущего учета естественного и механического движения населения [12]. К примеру, начальник Центрального управления народно-хозяйственного учета при Госплане СССР (так до 21 марта 1941 г. именовалось ЦСУ СССР) И.В. Саутин 31 марта 1940 г. докладывал председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому: «Вследствие того, что население не все случаи рождений и смертей регистрирует в Загсах, приводимые цифры не являются вполне точными» [11. Л. 20]. Энергичные усилия властей по повышению точности регистрации рождений и смертей, предпринятые во второй половине 1930-х гг., положительно сказывались на развитии советской демографической статистики. Тем не менее статистический учет в нашей стране проводился с большими погрешностями. Так, в 1939 г. в России было зарегистрировано 4,1 млн родившихся, тогда как на самом деле, на свет появилось почти 4,3 млн младенцев (не было учтено почти 200 тыс. младенцев). В этом же году загсами РСФСР было зафиксировано 2,1 млн смертей. На самом деле умерло 2,2 млн человек (погрешность около 100 тыс. смертных случаев) [13; 14. Л. 10]. Но особенно большими неточностями характеризовался статистический учет мигрантов, который был организован только в городах на основе прописки-выписки. В сельской местности, где люди были лишены паспортов, мигранты вообще не регистрировались. Кроме того, напомним, что данные о численности населения страны и её отдельных регионов по переписи 1939 г. (она была точкой отталкивания при проведении расчетов) изначально содержали неточности. Они механически перешли в расчеты динамических рядов численности населения.

Погрешность расчетов статистиков, работавших в начале 1940-х гг., невольно подтвердили оценки современных статистиков. По данным Госкомстата России, опубликованным в 1998 г., население нашей страны в начале 1940 г. насчитывало 110,1 млн человек, а в начале 1941 г. – 111,4 млн [15. С. 32]. Казалось бы, расхождение между современными оценками и расчетами, проведенными в 1940-е гг., минимально и находится в пределах допустимой статистической ошибки. Но это сходство иллюзорно. Дело в том, что нынешние оценки не учитывают население Крымской АССР, которая была выведена из состава РСФСР в 1954 г. А расчеты начала 1940-х гг. население Крыма учитывают. Таким образом, налицо несовпадение территориальных границ. Между тем, по данным переписи 1939 г., в Крымской АССР проживало 1,1 млн человек [16. С. 25]. Следовательно, советские статистики не сумели с требуемой точностью определить численность населения страны к началу Великой Отечественной войны.

Вместе с тем со значительными погрешностями регистрировались пол и возраст умерших, что приводило к преувеличенному представлению о численности мужчин призывных возрастов. Это вызывало ошибки в расчетах численности и состава населения отдельных регионов страны. Численность населения Западной Сибири на начало 1941 г. была определена в 9 266,6 тыс. человек [17. С. 67]. Это послужило основой для оценки численности мужчин призывного возраста. Считалось, что количество мужчин 18–45 лет в Западной Сибири составляло 1 576,8 тыс. человек, что, скорее всего, превышало их реальную численность [18. Л. 55].

В годы Великой Отечественной войны стало очевидно, что, искажая в угоду идеологическим фетишам демографическую статистику, советские руководители обманывали сами себя. Война началась при отсутствии достоверных данных о наличии людских ресурсов. Это существенно затрудняло плановое использование людского потенциала. В конечном счете на места высылались явно завышенные наряды на мобилизацию военнообязанных, которые подчас невозможно было выполнить. В 1941 г. ни Госплан, ни ЦСУ, ни Наркомат обороны СССР, ни местные статистические и плановые органы не имели точных сведений о численности мужчин боеспособных возрастов, что чрезвычайно важно для укомплектования армии. Отсутствовала достоверная информация о количестве женщин трудоспособных возрастов, подростков, вступающих в рабочий возраст, и лиц старше 60 лет. Между тем эти данные были крайне необходимы при распределении трудовых ресурсов. Это, в свою очередь, создавало затруднения при замене уходивших на фронт мужчин небоеспособными гражданами. Не определено было и количество детей – дошкольников и подростков, а следовательно, было неясно, сколько же женщин не смогут прийти на заводы и фабрики? Какое количество детских садов и яслей потребно, чтобы освободить женщин от домашних забот и направить их на производство?

В таких условиях о каком-либо строгом планировании и эффективном использовании людских ресурсов страны не могло идти и речи. Летом 1941 г., с началом широкомасштабных боевых действий, в деятельности государственных органов и штабов, не обладавших точной информацией о советском людском потенциале, произошел сбой. Это вызвало множество ошибочных решений, растерянность, а в конечном итоге явно избыточный призыв. В целом в течение всей Великой Отечественной войны многие решения о воинской мобилизации носили не планомерный и упорядоченный характер, а являлись ситуационными и подчас бессистемными.

В июле 1942 г. Новосибирский обком под давлением обстоятельств военного времени принял явно запоздалое, но важное решение об организации специального обследования людского потенциала области с целью его последующего рационального использования. Его итогом стал фундаментальный 340-страничный аналитический доклад, подготовленный отделами обкома и облисполкома при активном участии местных научных работников. Составители доклада посчитали необходимым специально подчеркнуть: «Несмотря на всю народнохозяйственную и оборонную важность этих (демографических. – *В.И.*) процессов, точных статистических материалов, характеризующих состояние дела – не имеется. Органы статистического управления до последнего времени не занимались учетом и анализом происходящих сдвигов в составе населения и потому не располагают соответствующими материалами. Между тем этот вопрос сейчас, в обстановке отечественной (так в источнике. – *В.И.*) войны, приобрел исключительное государственное значение и в первую очередь для обеспечения всех отраслей народного хозяйства рабочей силой, не говоря уже о значении этих данных для выполнения планов мобилизации в Красную Армию» [19. Л. 23]. В результате властям при расчете людских ресурсов и организации трудовых и военных призывов приходилось действовать не по заранее составленному плану, но импровизировать, принимать ситуационные решения, далеко не во всех случаях основанные на точных данных.

Важно учитывать, что и без того неточные материалы переписи 1939 г. быстро устарели и утратили значение информационной базы. Резкие колебания рождаемости и смертности, характерные для военных лет, крупномасштабные воинские мобилизации и эвакуация, передвижение спецконтингента быстро и кардинально изменили численность и состав населения тыловых регионов страны. В этих условиях приходилось искать новые источники информации о мобилизационном и трудовом потенциале тыловых районов. В 1943 г. сотрудники ЦСУ СССР разработали таблицы единовременных отчетов сельсоветов, которые предназначались для получения сведений о половом и возрастном составе сельского населения. Эти таблицы, получившие наименование «форма “С”» заполнялись работниками сельсоветов на основе похозяйственных книг и списков временно проживавших. Затем таблицы направлялись районным инспекторам ЦСУ для проведения статистической обработки и получения сводных (по районам) данных. Таблицы формы «С» содержат ценнейшую информацию о

распределении наличного сельского населения по полу и возрасту.

Очевидно, что единовременные отчеты сельсоветов преследовали фискальные и мобилизационные цели. Их использовали налоговые учреждения, органы по учету и распределению рабочей силы, а также военные комиссариаты. По этой причине отчеты о численности и структуре сельского населения составлялись особенно тщательно, а потому были достаточно надежны. Сегодня они дают возможность не только определить численность и состав сельского населения по полу и возрасту в годы Великой Отечественной войны, но дифференцировать женский перевес по различным диапазонам возрастов. Это чрезвычайно важно, так как аномалии в соотношении полов были особенно значительны в социально активных возрастах от 18 до 49 лет.

К сожалению, источники не дают возможности детально проследить изменения половозрастного состава городского населения, происшедшие в военные годы. Однако этот досадный пробел в источниковой базе восполняется при использовании материалов карточной системы распределения продуктов. ЦСУ и Госплан СССР использовали материалы Наркомторга СССР как базу для учета численности и состава населения городов и рабочих поселков. Карточная система была введена постановлением СНК СССР от 18 июля 1941 г. Рабочие, служащие и их иждивенцы получали хлебные карточки непосредственно на предприятиях, а так называемое неорганизованное население – в карточных бюро на основании стандартных справок, заверенных в бюро технического учета. Горожане были заинтересованы в постановке на учет, а сама карточная система являла собой эффективный способ контроля над городским населением. В Сибири карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия для жителей городов были введены 1 сентября 1941 г.

Нормированные продажи товаров были разбиты на четыре группы: для рабочих и инженерно-технических работников (ИТР), для служащих, для иждивенцев, для детей до 12 лет. Карточная норма хлеба для рабочих и ИТР предусматривала две категории. Первая категория устанавливалась для работников угольной, нефтяной, металлургической и некоторых оборонных отраслей индустрии. Вторая категория – для всех прочих отраслей хозяйства. Таким образом, данные о количестве выданных хлебных карточек являются источником дополнительных сведений не только о численности, но и структуре городского населения.

Важным источником по определению размеров трудового потенциала городского населения является учет неработающего населения городов. В ходе этих периодических учетов, организация которых возлагалась на ЦСУ СССР, выявлялись все не работавшие мужчины в возрасте от 14 до 55 лет и женщины от 15 до 50 лет. Из списков не работавших исключались инвалиды 1-й и 2-й групп, учащиеся вузов, техникумов, школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. Учеты, как правило, проводились без опроса населения, по сведениям управляющих домами, комендантов общежитий и домовладельцев. Полученные материалы тщательно сверялись с данными карточных бюро о числе выданных хлебных карточек. Учет людских ресурсов, как города, так и села, показал, что в ходе трудовых мобилизаций запас нигде не работавших женщин, подростков и стариков, составлявших в военное время основной запас незадействованного труда, постоянно сокращался. Тем не менее даже в суровые годы войны в городах оставались люди, не занятые на производстве и существовавшие за счет неконтролируемых государством источников дохода. В политическом аспекте это означало выпадение из структуры тоталитарного государства. Проведенный в марте 1942 г. учет выявил в городских поселениях Новосибирской области 48 тыс. нигде не работавших женщин (не учившихся и не имевших на своем попечении детей до 8 лет). Так, в Омской области таковых насчитывалось свыше 14 тыс. человек, в Алтайском крае – около 9 тыс. [20. Л. 24]. По подсчетам ЦСУ СССР, которые были сверены с данными Наркомторга СССР о количестве выданных хлебных карточек, в Барнауле в 1943 г. численность не работавших и не учившихся женщин, не имеющих детей до 8 лет, составляла почти 5 тыс. человек. В Анжеро-Судженске таковых насчитывалось 2,2 тыс., в Киселевске – 1,2 тыс., в Томске – почти 4 тыс., в Тюмени – свыше 2 тыс. человек [21. Л. 2, 34, 38].

В 1944 г. по всем городам Советского Союза было выявлено 614 тыс. нигде не работавших мужчин и женщин [22. Л. 14]. В Новосибирской области повторный учет не работавшего населения, проведенный 15 марта 1944 г., показал, что по количество незанятых мужчин в возрасте от 14 до 55 лет составляло 1 791 человек. Незанятых женщин в возрасте от 14 до 50 лет было ещё больше – 41 978 человек, в том числе бездетных или не имеющих детей моложе 8 лет – 11 340. Таким образом, областные власти получили возможность мобилизовать в Красную армию и на производство дополнительно 23 062 человек [23. Л. 8 об.]. В действительности количество неработающих мужчин и женщин было значительно больше, чем обнаруживали официальные проверки. Н.М. Шверник, стремясь подчеркнуть положительные стороны деятельности руководимого им Комитета по учету и распределению рабочей силы, а заодно поставить в неловкое положение представителей других ведомств, писал: «Проводимый ЦСУ единовременный учет городского неработающего населения (без опроса населения) не обеспечивает выявления неработающих граждан» [24. Л. 15]. По-видимому, эффективность административно-бюрократической системы, действовавшей в СССР в годы войны, сильно преувеличена.

После завершения войны появился источник, содержащий сведения о половозрастном составе не только сельского, но и городского населения. Государственные органы использовали этот источник для выявления как численности и состава населения, так и гендерных аномалий, сложившихся вследствие огромных военных потерь. Мы имеем в виду списки избирателей, составлявшиеся к выборам депутатов Верховного Совета СССР (1946 г.) и Верховных Со-

ветов РСФСР и автономных республик (1947 г.). В списки вносились граждане 18 лет и старше, обладавшие избирательным правом. СНК СССР своим распоряжением от 31 декабря 1945 г. № 13842Р разрешил статистикам использовать списки избирателей для расчетов с целью определения численности и половозрастного состава населения [25. Л. 1]. Основным недостатком этого источника является то, что в списки избирателей не включались некоторые группы населения, в частности лишенные избирательных прав заключенные. Кроме того, исходя из соображений секретности, СНК СССР категорически запретил статистикам разработку списков избирателей по воинским частям. К тому же информация о половозрастном составе гражданского населения, полученная на основе списков избирателей, не может считаться статистически «чистой», так как имеет «примеси» в связи с притоком в города и деревни мужчин в ходе развернувшейся в 1945 г. демобилизации. Поэтому надо иметь в виду, что собственно в военные годы структурная ситуация в стране была значительно напряженней, чем это показывает используемый источник.

Значительные сдвиги в военные годы произошли в составе детского и подросткового населения. Изменения, происшедшие в численности и структуре населения моложе 18 лет, можно проследить, используя статистические сведения, полученные после завершения Великой Отечественной войны. Такого рода данные содержат материалы подсчета детей и подростков, организованного ЦСУ СССР в декабре 1947 – январе 1948 г. в городских поселениях страны. Этот учет являл собой своеобразную микроперепись населения моложе 18 лет, проведенную, однако, без опроса населения. Информация о детском и подростковом населении по домам индивидуального жилищного фонда была получена в ходе отчетов домовладельцев. Регистраторы ЦСУ СССР и представители уличных комитетов посетили фактически каждое домовладение. По домам обобществленного жилищного фонда отчеты составлялись комендантами и домоуправлениями. Сведения о детском и подростковом населении в детских домах, школах-интернатах, в общежитиях учебных заведений были получены на основе рапортов их руководителей. После окончания подсчета проводилась контрольная проверка точности полученной информации. Проверка охватила примерно 10–14% детей и подростков.

Подсчет численности населения моложе 18 лет зафиксировал две глубокие демографические ямы, образовавшиеся в возрастной структуре населения. Они соответствовали двум мощным демографическим катастрофам, обрушившимся на Россию в XX столетии: 1932–1933 и 1939–1945 гг. Впоследствии наличие этих демографическим ям нашло подтверждение в ходе проведения и статистической обработки материалов первой после Второй мировой войны Всесоюзной переписи населения 1959 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Всесоюзная* перепись населения 1937 г. Краткие итоги. М., 1991.
2. *Правда.* 1939. 4 сентября.
3. *Тольц М.С.* Репрессированная перепись // Родина. 1989. № 11.
4. *Цаплин В.В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е годы // Вопросы истории. 1989. № 4.
5. *Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т.* Опыт оценки численности населения СССР. 1926–1941 гг. (Краткие результаты исследования) // Вестник статистики. 1990. № 7.
6. *Исупов В.А.* Тайны советской статистики // Вестник АН Сиб. Отд. Серия история. Филология. Новосибирск, 1991.
7. *Жиромская В.Б.* Всесоюзная перепись 1939 г. в историографии: оценка достоверности // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996.
8. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.
9. *Гелен Р.* Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003.
10. *Российский* государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 329. Д. 391.
11. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406.
12. *Исупов В.А.* Статистические источники по демографической истории России периода Великой Отечественной войны. Сыктывкар, 2011.
13. *Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л.* Демографическая история России: 1927–1957 // Электронный ресурс. http: //www/demoscope. Ru /knigi/ - dars/adk.html
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 537.
15. *Население* России за 100 лет (1897–1997) : стат. сб. М., 1998.
16. *Всесоюзная* перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992.
17. *Исупов В.А.* Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.
18. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 997.
19. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 38.
20. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 42. Д. 999.
21. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 412.
22. ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23.
23. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 8. Д. 22.
24. ГАРФ. Ф. 9517. Оп. 1с. Д. 23.
25. ГАНО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 1409.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 июня 2014 г.

STATISTICAL SOURCES FOR THE RESEARCH OF THE MILITARY-MOBILIZATION AND LABOR POTENTIAL OF WESTERN SIBERIA (1939-1948)

Tomsk State University Journal, 2014, 388, pp. 129-134. DOI: 10.17223/15617793/388/21

Isupov Vladimir A. Institute of History, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vladimir_2004_@mail.ru

Keywords: historical demography; population; size; composition; human resources.

The size and the composition of the population, professional standard and educational attainment of the human contingent, in a word, the *human capital* represented the determinant in the Second World War. The aim of this article is detection of basic information sources of government structures the State Planning Commission and the CSB and their local agencies used for determining the military-mobilization and labor resources, and also a brief characteristic of these sources. In the initial period of the war Soviet statisticians were guided by the materials of the Soviet census of 1939. This census was organized after the recognition of the census of 1937 as defective. Therefore, the main goals of the organizers of the census of 1939 were the correction of mistakes and the liquidation of the consequences of the deliberate sabotage. So the census of 1939 was turned from the normal statistical operation into a great political campaign. The scientific and practical goal of the census as gaining information of population yielded to the ideological interests. Modern researchers agree in opinion that the census of 1939 had overestimated the country's population and had distorted its structure. Falsification of the materials of the census had found a reflection in subsequent realizing statistical calculations which based on them. Thus, the beginning of the Great Patriotic War was characterized by the absence of reliable data on the availability of human resources. This fact impeded the military mobilization. In 1943 government authorities began to use no recurrent reports of rural councils about the size and composition of the rural population in order to determine the size of the mobilization potential. An important although indirect source of detection of the size and composition of the urban population in the war years were the data of the USSR People's Commissariat on the number of issued ration cards. A significant role in determining the size of the labor potential of the urban population played records of the unemployed urban population. After the war government structures used lists of voters from the elections to constitute the Supreme Soviet of the USSR (1946) and the Supreme Soviets of the RSFSR and autonomous republics (1947) to determine the size and composition of the population, and also gender disparities arising as a consequence of large military casualties. The USSR People's Commissariat by order dated December 31, 1945 authorized statisticians to use voter lists for the calculations. Developments during the war years in the size and structure of the population younger than 18 can be traced using materials counting children and youth under age 18 the CSB organized from December 1947 to January 1948 in the urban areas. This account is a kind of a mini-census undertaken without survey of the population.

REFERENCES

1. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 g. Kratkie itogi* [All-Union Population Census of 1937 Brief results]. Moscow: USSR AS Institute of History Publ., 1991. 239 p.
2. *Pravda*, 1939, 4 September.
3. Tol'ts M.S. Repressirovannaya perepis' [Repressed census]. *Rodina*, 1989, no. 11.
4. Tsaplin V.V. Statistika zhertv stalinizma v 30-e gody [Statistics for victims of Stalinism in the 30s]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 1989, no. 4.
5. Andreev E., Darskiy L., Khar'kova T. Opyt otsenki chislennosti naseleniya SSSR. 1926–1941 gg. (Kratkie rezul'taty issledovaniya) [Experience of the USSR population estimates. 1926-1941 (Brief results of the study)]. *Vestnik statistiki*, 1990, no. 7.
6. Isupov V.A. Tayny sovetskoy statistiki [Secrets of Soviet statistics]. *Vestnik AN Sib. Otd. Seriya istoriya. Filologiya*, 1991.
7. Zhiromskaya V.B. *Vsesoyuznaya perepis' 1939 g. v istoriografii: otsenka dostovernosti* [All-Union census of 1939 in the historiography: assessment of reliability]. In: Sakharov A.N. (ed.) *Rossiya v XX veke: sud'by istoricheskoy nauki* [Russia in the twentieth century: the fate of historical science]. Moscow: Nauka Publ., 1996.
8. Zhiromskaya V.B. *Demograficheskaya istoriya Rossii v 1930-e gg. Vzglyad v neizvestnoe* [Demographic history of Russia in the 1930s. Looking into the unknown]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 280 p.
9. Gehlen R. *Voyna razvedok. Taynye operatsii spetssluzhb Germanii. 1942–1971* [The war of intelligence. Covert intelligence operations in Germany. 1942-1971]. Translated from German. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2003. 427 p.
10. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 391.
11. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 406.
12. Isupov V.A. *Statisticheskie istochniki po demograficheskoy istorii Rossii perioda Velikoy Otechestvennoy voyny* [Statistical sources on the demographic history of Russia during World War II]. Syktyvkar, 2011.
13. Andreev E.M., Darskiy L.E., Khar'kova T.L. *Demograficheskaya istoriya Rossii: 1927–1957* [Demographic History of Russia: 1927-1957]. Available at: http: //www/demoscope.ru/knigi/-dars/adk.html.
14. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 329. File 537.
15. *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): stat. sb.* [The population of Russia for 100 years (1897-1997): collection of statistics]. Moscow, 1998. 222 p.
16. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 goda: Osnovnye itogi* [The census of 1939: Main results]. Moscow: Nauka Publ., 1992. 262 p.
17. Isupov V.A. *Glavnyy resurs Pobedy. Lyudskoy potentsial Zapadnoy Sibiri v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945 gg.)* [The main resource of the Victory. Human potential in Western Siberia during World War II (1939-1945)]. Novosibirsk, 2008. 378 p.
18. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 42. File 997.
19. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 6. File 38.
20. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 42. File 999.
21. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 1562. List 20. File 412.
22. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9517. List 1s. File 23.
23. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 8. File 22.
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9517. List 1s. File 23.
25. State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund 11. List 2. File 1409.

Received: 15 June 2014